

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ С УЧЕТОМ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА

© 2016 Сорокина А.С.

ЧОУ ВО «Международный институт рынка», г. Самара, Россия

Статья посвящена вопросу перевода художественных произведений с учетом гендерных характеристик текста. Рассматриваются особенности мужского и женского речевого поведения, а также способы их передачи при переводе с английского языка на русский.

Ключевые слова: гендер, гендерный аспект, перевод, художественное произведение, речевое поведение.

Современные проблемы перевода получили освещение во многих работах ученых (Демидова Г.В., Кузнецова Д.Д., Молчкова Л.В., Пилюсян К.К., Тархова А.Б., Шабалкина С.Е., Шевырина Н.А., Щукина Г.О.), однако, гендерный аспект перевода остается малоизученным феноменом в российской лингвистике. Результатом недостаточного внимания к гендерным особенностям речи могут стать прагматические ошибки, которые считаются наиболее значимыми при переводе художественной литературы [6]. Поэтому важным условием получения качественного перевода является подробное изучение особенностей отражения гендерных характеристик в языке художественных произведений - как в тексте оригинала, так и в тексте перевода.

Понятие «гендер» вошло в лингвистическую парадигму лишь во второй половине XX века, гораздо позднее, чем в других гуманитарных науках. Одно из первых исследований в области гендерной лингвистики было проведено американским профессором Робин Лакофф. В своей книге «Язык и место женщины» («Language and Woman's Place», 1975) автор описывает различия между мужским и женским стилями общения. Согласно теории Р. Лакофф, речевое поведение женщины, по сравнению с мужским, отличается неуверенностью, меньшей агрессивностью, большей гуманностью и ориентированностью на своего партнера по коммуникации. Женщина более внимательно выслушивает мнение собеседника, не стремится доминировать в беседе, в то время как мужчины ведут себя более агрессивно,

стремятся держать ситуацию под контролем и менее склонны к компромиссам. Такое речевое поведение женщины создает впечатление неуверенности в себе и некомпетентности, что наносит ущерб её имиджу [2].

Робин Лакофф выделяет ряд отличительных особенностей мужского и женского речевого поведения на разных языковых уровнях. Так, на уровне просодических черт женщины чаще прибегают к использованию интонации для выражения своих эмоций, в то время как для мужской речи больше характерны лексические средства передачи эмоционального состояния. Женская речь характеризуется использованием вопросительной интонации в повествовательных предложениях. На морфологическом уровне различия проявляются в использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов, что в большей степени свойственно женской речи. Что касается лексических особенностей, то в мужской речи чаще присутствует стилистически нейтральная оценочная лексика, в то время как в женской отмечается обилие эмоционально-оценочных слов и конструкций. Женщины также больше используют средства смягчения категоричности высказывания, такие как эвфемизмы, модальные слова и выражения. На уровне синтаксиса мужчины придерживаются однообразия синтаксических конструкций, употребляя чаще сложносочиненные предложения. Женщинам больше свойственно использование эмфатических конструкций, восклицательных предложений,

выражающих большую эмоциональность, а также вопросительных предложений, в частности разделительных вопросов. Также женскую речь от мужской отличает использование правильных грамматических форм, вежливость и проявление уважения к собеседнику, отсутствие юмора [2].

В отечественной гендерологии выдвигается гипотеза о гендерной специфике метаязыковых компонентов речевых высказываний как средств управления ментальной деятельностью и внешним коммуникативным поведением собеседника. Проведенные учеными исследования гендерной специфики употребления вводных слов показывают, что для мужской речи более характерны вводные слова, имеющие значение констатации (конечно, очевидно); женская речь специфична тем, что в ней чаще встречаются модальные конструкции, выражающие различную степень неуверенности (может быть, по-моему, по-видимому). Согласно Т.А. Гомон, характерным признаком мужской речи является избыток абстрактных существительных, однообразие лексических средств передачи эмоций. В женской речи отмечается наличие эвфемизмов, престижных, стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики [4].

Исследование ассоциативного поведения человека, проводимое Е.И. Горошко, включало в себя серию ассоциативных экспериментов. Ученым были выбраны следующие группы стимулов: гендерно-маркированная лексика; слова, описывающие базовые эмоции; названия основных цветов спектра и собственно сами цветоносители. Проанализировав реакции испытуемых, исследователь пришел к выводу о том, что на ассоциативное поведение человека оказывают влияние не только гендерный, но и ряд других факторов: уровень образования, родной язык, специфические условия жизни и некоторые изменения состояния сознания человека. Введение ряда параметров представляется крайне важным, так как, именно сопоставив множество ассоциативных полей, можно обнаружить закономерности и специфику содержания и функционирования образов языкового сознания, динамику их развития.

Е.И. Горошко пишет о значимости категории «гендер» в лингвистическом описании, возможности её фиксации и отражения в структурах языкового сознания. Результаты экспериментов показали, что самое сильное влияние на ассоциативное поведение испытуемых оказали сначала факторы пола и условий изоляции людей от общества, затем – факторы возраста, уровня образования и родного языка. Ученый особо отмечает, что в целом в ассоциативном поведении полов больше сходств, чем различий. Данные почти всех серий экспериментов показали, что женские реакции менее стереотипны, более разнообразны, чем мужские. Данный вывод Е.И. Горошко интерпретирует как признак, свидетельство большей подвижности и изменчивости женского сознания [5].

Особого внимания заслуживают работы ученых, которые ставят перед собой цель вскрыть психологический механизм образования гендерных стереотипов языкового сознания. Исследователи обнаруживают ряд специфических свойств когнитивных гендерных метафор «мужественности» и «женственности»: возможность их использования в применении к объектам разного пола и не связанным непосредственно с полом, возможность метафоры отсылать реципиента к реальным мужчинам и женщинам, которым тоже начинают приписывать объединенные в метафоре признаки [19].

В работах отечественных лингвистов имеются указания на наличие специфических черт гендерного стереотипа национального языкового сознания. По мнению ученых, гендерные стереотипы обнаруживают как стабильность, так и определенную изменчивость, которые в разных языках могут не совпадать. Согласно А.В. Кириловой, мужественность и женственность – исторически изменчивые концепты. В исследовании, построенном на диахроническом анализе СМИ, была подтверждена гипотеза о том, что среди экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на функционирование гендерных стереотипов в массовой коммуникации, значительное влияние оказывает социальный заказ. В русском

языке зафиксирован сниженный андроцентризм, а стереотип женственности определяется четче, нежели стереотип мужественности, также в большей степени фиксируются личностные, а не биологические характеристики. Выявлена тенденция зрелой части населения к более четким гендерным стереотипам в коммуникации и стремление молодого поколения к нивелированию гендерных различий [10].

Таким образом, гендерный аспект языка находит выражение в речевом поведении мужчин и женщин и в гендерной маркированности языковых единиц. Гендерная маркированность наиболее отчетливо проявляется на лексическом уровне в таких категориях, как личные местоимения, слова, соотносимые с мужчинами и женщинами в силу своей внутренней формы, слова и сочетания с гендерным компонентом и лексемы, ассоциирующиеся с концептами «мужчина» и «женщина».

Принятие во внимание гендерного фактора и выявление средств его отражения в языке способствует лучшему пониманию текста и позволяет по-новому взглянуть на известные произведения художественной литературы. Поскольку каждый автор, обладая индивидуальной манерой, стремится использовать самые различные языковые средства для выражения концепта своего произведения, тексты художественной литературы представляют наибольшую сложность для перевода [14]. Важным аспектом коммуникации является связь между значением высказывания, намерением автора и способностью распознать это намерение в определенном контексте. Переводчик сталкивается с рядом прагматических задач, заключающихся в выборе таких языковых средств, которые обеспечивают соответствующее оригиналу эмоциональное влияние на читателя [11]. Для достижения необходимого влияния отправитель, то есть переводчик, сознательно или бессознательно руководствуется при воспроизведении текста определенной стратегией. Произведения художественной литературы противопоставляются всем другим языковым

произведениям в первую очередь потому, что для всех них доминантной является одна из коммуникативных функций, а именно, художественно-эстетическая. Основная цель любого художественного произведения состоит в достижении определенного эстетического влияния, создание художественного образа [18].

Механизмы вербализации художественного образа весьма разнообразны, а гендерный аспект играет немаловажную роль при создании данного образа. Использование тех или иных лексических средств способствует возникновению у читателя определенных ассоциаций, которые обладают гендерной направленностью.

Специфика художественного перевода обусловлена еще тем, что языковые единицы художественного текста актуализируют сразу нескольких значений, и это существенно затрудняет передачу гендерного аспекта [3]. Таким образом, определение и передача гендерно-ориентированных ассоциаций является важным условием качественного перевода произведения с сохранением художественной стилистики оригинала. Для достижения эквивалентности и адекватности перевода художественного произведения необходимо создать на языке перевода текст, который обладает такой же гендерной характеристикой, что и оригинал. Выполнить поставленную задачу невозможно без использования различных переводческих трансформаций для более точной передачи смысла, заключенного в тексте оригинала [13, 17].

Для получения более полного представления о способах передачи гендерно-маркированных художественных образов был проведен сопоставительный анализ оригинала произведения Ч.Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» и его перевода на русский язык, выполненного А.В. Кривцовой и Е.Л.Ланном. Наиболее показательными в плане гендерных различий речевого поведения являются диалоги героев романа супругов Мэрдстон. Рассмотрим один из них.

“It’s very hard,” said my mother, “that in my own house”

*“My own house?” repeated Mr. Murdstone.
“Clara!”*

“Our own house, I mean,” faltered my mother, evidently frightened – “I hope you must know what I mean, Edward – it’s very hard that in your own house I may not have a word to say about domestic matters. I am sure I managed very well before we were married. There’s evidence,” said my mother, sobbing; “ask Peggotty if I didn’t do very well when I wasn’t interfered with! [1]”

– Очень тяжело, что в моем доме... – начала моя мать.

– В моем доме? – повторил мистер Мэрдстон. – Клара!

– Я хочу сказать: в нашем доме! – поправились моя мать, явно испугавшись. – Мне кажется, вы должны знать, что я хотела сказать, Эдуард. Очень, я говорю, тяжело, что в вашем доме я не могу сказать ни слова о домашнем хозяйстве. Право же, я хозяйничала очень хорошо до нашей свадьбы! Есть свидетели... – всхлипывала моя мать. – Спросите Пегготи... Разве я не справлялась с домашним хозяйством, когда в мои дела не вмешивались[8]?

Клара Мэрдстон выражает свое недовольство ситуацией косвенным способом, используя безличную конструкцию «It’s very hard» для смягчения категоричности и придания имперсональности своей реплике, что в переводе также передается безличным предложением «Очень тяжело...». Однако следует отметить синтаксическую трансформацию, использованную переводчиками в данном предложении: если в оригинале слова автора разбивают реплику героини, то в переводе нет. Кроме того, была использована конкретизация «said» – «начала», что позволило передать гендерный аспект, с одной стороны, благодаря окончанию женского рода, с другой благодаря семантике глагола «начинать», что указывает на незаконченность фразы, так как героиню перебил ее супруг.

Лексическо-грамматические замены «I mean» – «я хочу сказать», «I hope» – «мне кажется», «I am sure» – «право же» были использованы для передачи и усиления оттенка неуверенности в словах героини, что также является маркером гендерного

порядка. Показательно и невербальное поведение героини, выраженное лексическими единицами «faltered», «evidently frightened», «sobbing», которые были удачно переданы на русский язык – «поправилась», «явно испугавшись», «всхлипывала». Все это свидетельствует о подавленном эмоциональном состоянии Клары Мэрдстон, о ее страхе перед мужем.

Следует также обратить внимание на подбор притяжательных местоимений для лексемы house (дом): в начале примера героиня определяет «in my own house» («в моем доме»), после замечания супруга она употребляет словосочетание «our own house» («в нашем доме»), а затем подчеркивает «in your own house» (в вашем доме). В переводе была сохранена градация местоимений, что позволило отразить тот факт, что в эпоху королевы Виктории было принято считать мужа и жену одним человеком (one person). Таким образом, все имущество жены принадлежит ее супругу, который распоряжается им и принимает решения как хозяин и глава семьи.

Конкретизация, использованная при переводе местоимения «you» – «вы», указывает на формальность общения и дистанцию между супругами, что выражает не только статусный аспект отношений, но и гендерный: в викторианскую эпоху мужчина занимал главенствующее положение в семье, а жена должна была его слушать и подчиняться.

Обилие грамматических трансформаций («хотела», «всхлипывала» и др.) свидетельствует о том, что особенность гендерного аспекта на морфологическом уровне проявляется посредством грамматической категории рода, обеспечивающей эксплицитность текста [12].

Эмфаза, использованная переводчиками как синтаксическая трансформация («Очень, я говорю, тяжело...»), заключающаяся в разделении наречий, отражает фемининность речи.

Рассмотрим еще один пример коммуникации супругов Мэрдстон.

“I think, Clara,” said Mr. Murdstone, in a low grave voice, “that there may be better and more dispassionate judges of such a question than you.”

“Edward,” replied my mother, timidly, “you are a far better judge of all questions than I pretend to be. Both you and Jane are. I only said—”

“You only said something weak and inconsiderate,” he replied. “Try not to do it again, my dear Clara, and keep a watch upon yourself.” [1]

Я думаю, Клара, что в данном случае найдутся более беспристрастные судьи, лучше разбирающиеся в данном вопросе, – тихим, торжественным голосом сказал мистер Мэрдстон.

– Эдуард, – робко отозвалась моя мать, – вы гораздо более справедливый судья во всех вопросах, чем я хочу казаться. Вы и Джейн. Я сказала только...

– Вы сказали только что-то необдуманное и слабовольное, – ответил он. – Постарайтесь, чтобы впредь этого не было, дорогая моя Клара, и следите за собой [8].

Затрагивая вопрос о воспитании сына своей жены, мистер Мэрдстон не собирается прислушиваться к ее мнению, объясняя это тем, что в данном вопросе есть более «беспристрастные судьи» (*more dispassionate judges*), имея в виду себя и свою сестру. Употребляя лексему *judge* (судья, арбитр), герой презентует себя как вершителя судеб своей жены и ее сына, а переводчик в данном случае использует однозначный эквивалент, чтобы точнее передать это значение. Следует обратить внимание на перевод слов автора: «*in a low grave voice*» – «тихим, торжественным голосом». Несмотря на то, что основными значениями прилагательного *grave* являются «серьезный», «важный», переводчиком был выбран вариант «торжественный» с целью

усиления эффекта от слов героя и подчеркивания дистанции между партнерами по коммуникации. Клара Мэрдстон не только соглашается с мнением супруга, но еще и подчеркивает его превосходство, используя интенсификатор *far*, который передается на русский язык наречием степени «гораздо». Мистер Мэрдстон перебивает свою жену, что свидетельствует о его доминирующем положении, он также дает негативную оценку речевому поведению супруги, используя лексемы *weak* («слабовольное») и *inconsiderate* («необдуманное»). Несмотря на обращения друг к другу по имени, супруги поддерживают значительную дистанцию в коммуникации, что удачно отражено переводчиком в использовании местоимения второго лица множественного числа («вы»), а также глаголов в форме множественного числа («сказали», «постарайтесь»). Таким образом, можно считать, что перевод, выполненный А.В. Кривцовой и Е. Л. Ланном, передает гендерные характеристики оригинала.

Результаты анализа показали, что язык художественной литературы пронизан гендерной спецификой, передача которой является залогом качественного перевода. Гендерный аспект может быть отражен в переводе при помощи целого ряда трансформаций на всех уровнях языка. Для переводчика важным является внимательное отношение к экстралингвистическому контексту и имплицитной информации, что необходимо учитывать при подборе эквивалента, отвечающего гендерным требованиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dickens Charles. Collection of British authors/ The personal history, adventures, experience, and observation of David Copperfield the younger. Of Blunderstone rookery. (Which he never meant to be published on any account.) [Text], Vol. 3 – М: «Книга по Требованию», 2003 – 435 с.
2. Lakoff R. Language and Woman's Place. – New York.: Harper, 1975. – P.11-36.
3. Водоватова Т.Е. Метафорические высказывания в свете инференциальной теории смысла//Вестник Самарского государственного экономического университета. 2007. – № 1. – С. 181-183.
4. Гомон Т.В. Судебно-автороведческая экспертиза текстов документов, составленных с намеренным искажением письменной речи. – М., 1992. – 239 с.
5. Горошко Е.И. Мужчина и женщина (или как мы себя видим через призму гендера). – WE/МЫ. Диалог женщин. Международный женский журнал, 1997, М 1, С. 21-25.

6. Демидова Г.В. Проблема стандартизации терминологии переводоведения // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. № 32. С. 251-254.
7. Демидова Г.В. Терминологическое поле англоязычного переводоведения // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 6 (14). С. 323-325.
8. Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/dickens_charlz/zhizn_dyevida_kopperfilda_rasskazannaja_im_samim.html Дата обращения 29.04.2016.
9. Жеребкина И.А. О статусе гендерных исследований: взгляд культуролога. // Высшее образование в России. 2001. № 2. С. 48-50.
10. Кирилина А.В. Особенности и тенденции развития гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М., МГЛУ. 2001. С. 32-47
11. Кузнецова Д.Д., Тархова А.Б. О перспективе работы с видеоресурсами и платформами коллективного перевода при обучении переводу // Вестник Международного института рынка. Самара. 2015. №2. С. 169-175.
12. Молчкова Л.В., Шевырина Н.А. Рекламные тексты: перевод и прагматическая адаптация // Вестник Международного института рынка. Самара. 2015. №2. С. 176-183.
13. Пилюсян К.К. Качества и навыки переводчика-синхрониста // Педагогика и психология в контексте современных исследований проблем развития личности // Сборник материалов V международной научно-практической конференции / НИЦ «Апробация» - Махачкала, 2014. С. 45-46.
14. Пилюсян К.К. Особенности синхронного перевода. // Вестник Международного института рынка. Самара. 2016. №1. С. 173-176.
15. Строева Ю.Ю. Проблема понимания интертекстуальности научно-популярного дискурса в процессе межкультурной коммуникации// Фундаментальные исследования. – № 12-3. – Пенза: Академия Естествознания, 2014. С. 644-647.
16. Тархова А.Б. Семантическая деривация на базе этнонимов и топонимов//Актуальные вопросы современной науки/Сборник научных трудов/Под общ. ред. С. С. Чернова. – Вып. 3. – Новосибирск: ЦРНС -Издательство «СИБПРИНТ», 2008. С. 292-299.
17. Шабалкина С.Е., Шевырина Н.А. Формирование социальных компетенций, нравственных ценностей студентов в процессе обучения письменному переводу //Современное общество, образование и наука. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 9 частях. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014. С. 153-155.
18. Шевырина Н.А., Молчкова Л.В. О направлениях интеграции в преподавании стилистик русского и английского языков//Вестник Международного института рынка, №1, 2015, -С. 205-212.
19. Шукина Г.О. Оценка качества учебного перевода с точки зрения получателя, Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 20 -Н.Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012. <http://www.lunn.ru> (дата обращения 16.09.2016).

SPECIAL ASPECTS OF GENDER - INCLUSIVE TRANSLATION OF LITERARY TEXTS

© 2016 Alissa S. Sorokina

International Market Institute, Samara, Russia

The article considers the problem of dealing with gender-based characteristics of a text while translating literary works. It also presents some peculiarities of male and female language and the methods of their translation from English into Russian.

Key words: gender, gender dimension, translation, literary work, language behavior.